

К. А. Маслинский

ORCID: 0000-0002-9674-2046

✉ kmaslinsky@pushdom.ru

*Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
(Россия, Санкт-Петербург)*

СТО ЛЕТ СЧАСТЬЯ В ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1920–2020): СТАЛИНСКИЙ КАНОН И ЕГО ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Аннотация. В сталинскую эпоху категория счастья была резко политизирована, а в литературе и кино сложился новый канон изображения советского счастья. В статье представлен эмпирический материал, позволяющий количественно оценить масштаб и характер сталинской трансформации счастья в рамках одного жанра — реалистической детской прозы. Материалом послужил корпус русской прозы для детей и юношества XX–XXI вв. (Деткорпус). Масштаб изменений оценивался с помощью измерения частотности лексем *счастье* и *счастливый* в корпусе, а содержательные трансформации — на основании изменений в контекстах употребления этих лексем, измеренных с помощью векторных семантических моделей (word embeddings). Результаты исследования частично подтверждают выводы предшествующих исследований и ставят новые вопросы. В частности, обнаружен резкий количественный провал упоминаний счастья в детской литературе 1920-х. Можно допустить, что «отмена» счастья была первым этапом становления сталинского канона. Материал также дает свидетельства резкой эмоционализации в изображении счастья в детской литературе начиная со сталинского периода. Возможно, этот процесс также может быть увязан со становлением сталинского канона.

Ключевые слова: исследования счастья, русский язык, детская литература, векторные семантические модели, вычислительные исследования в литературоведении

Для цитирования: Маслинский К. А. Сто лет счастья в детской литературе (1920–2020): сталинский канон и его долгосрочные последствия // Шаги/Steps. Т. 8. № 4. 2022. С. 226–247. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-226-247>.

Статья поступила в редакцию 4 июня 2022 г.

Принято к печати 26 августа 2022 г.

K. A. Maslinsky

ORCID: 0000-0002-9674-2046

✉ kmaslinsky@pushdom.ru

*Institute of Russian Literature (Pushkin House)
of the Russian Academy of Sciences
(Russia, St. Petersburg)*

A CENTURY OF HAPPINESS IN CHILDREN'S LITERATURE (1920–2020): A STALINIST CANON AND ITS LONG TERM CONSEQUENCES

Abstract. In the Stalin era, the category of happiness was sharply politicized, and a new canon of representation of Soviet happiness was established in literature and cinema. The article presents empirical data that permits a quantitative evaluation of the scale and nature of the Stalinist transformation of the happiness narrative in a single genre — realistic children's prose. The corpus of 19th–20th century Russian prose for children and youth (Detcorpus) served as the source of data. The scale of changes was assessed by measuring the frequency of the lexemes 'happiness' and 'happy' in the corpus. Semantic transformations were assessed based on changes in the contexts of the use of these lexemes, measured using diachronic word embeddings. The results of the study partially confirm the findings of previous studies and raise new questions. In particular, the number of mentions of happiness dropped sharply in children's literature in the 1920s. It can be assumed that the "cancellation" of happiness was the first stage in the formation of the Stalinist canon. The data also provides evidence that, starting in the Stalin period, emotions became much more relevant in the representation of happiness in children's literature. This process could also be linked to the formation of the Stalinist canon.

Keywords: happiness studies, the Russian language, children's literature, word embeddings, computational literary studies

To cite this article: Maslinsky, K. A. (2022). A century of happiness in children's literature (1920–2020): A Stalinist canon and its long term consequences. *Shagi / Steps*, 8(4), 226–247. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-4-226-247>.

Received June 4, 2022

Accepted August 26, 2022

Советская история счастья

Эмоции в современной истории и антропологии рассматриваются как культурно обусловленные категории, которые индивид осваивает и присваивает во многом в процессе социального обучения. Важнейшую роль при этом играет язык, предлагающий лексические категории для обозначения эмоций, и узус, указывающий уместные контексты для их употребления. Но если лексические категории во многом инертны и вряд ли доступны для сознательных манипуляций, то узус в гораздо большей степени зависим от образцовых текстов и широко распространенных культурных репрезентаций (литературы, кино, других медиа и искусств). Иными словами, образцовые тексты и репрезентации делают эмоциональные категории в какой-то мере зависимыми от исторического контекста и в том числе от политической конъюнктуры.

Ярким эпизодом в отечественной культурной истории, иллюстрирующим зависимость эмоционального от политического, выступает актуализация категории счастья в сталинскую эпоху. Этот эпизод, известный в популярной культуре по визуальным образам и словесным формулам «счастливого детства», широко обсуждался в исторических, лингвистических и антропологических исследованиях. Исследовательский консенсус относительно трансформации категории счастья в советский период можно кратко обрисовать в следующих тезисах.

Счастье в сталинскую эпоху стало политически ангажированной категорией и даже государственным проектом. Этот процесс описывается исследователями как создание нового культурного конструкта, имеющего прежде всего нарративную природу. Новый нарратив о счастье фигурирует в исследовательской литературе под разными названиями: «советское счастье» [Добренко 2015], «государственное счастье» [Байбурин, Пиир 2008], миф о «счастлимом детстве» [Kelly 2009]. Главными конструкторами нового нарратива о счастье стали писатели и режиссеры, по их произведениям восстанавливаются контуры сталинского канона счастья [Dobrenko 2009; Fitzpatrick 2004; Байбурин, Пиир 2008].

Ключевая черта сталинского канона счастья — его обязательность для советского человека, так что переживание счастья эквивалентно демонстрации политической лояльности [Fitzpatrick 2004; Байбурин, Пиир 2008]. Это может быть проинтерпретировано как признак новой модальности власти — биополитики [Alexoroulos 2006]. Нарратив, приравнивающий недостаточное счастье к нелояльности, был внутренне проблематичным, учитывая низкий уровень жизни и высокую незащищенность советских граждан. Шейла Фитцпатрик объясняет частое появление категорий будущего и тоски в нарративах о счастье именно этим внутренним напряжением [Fitzpatrick 2004].

В исследовательской литературе сложилась модель описания исторической динамики нарратива о счастье как парадигматической трансформации. До 1930-х категория счастья описывается в терминах общеязыковых значений и/или традиционных представлений, либо просто подразумевается некое «нормальное», немаркированное ее состояние, в котором представления о счастье достаточно разнообразны, а их ценностное ядро чаще связано со здоровьем и

семьей [Байбурин, Пиир 2008]. Сталинский канон характеризуется замещением индивидуальных ценностей в представлении о счастье общественными (*всеобщее счастье, светлое будущее* и т. п.) [Шмелев 2012: 292–293]. Постсталинская история этого канона интерпретируется двояко. С одной стороны, очевидно, что соцреалистическая конструкция счастья ненадолго пережила сталинскую эпоху, нарратив трансформировался и уступил место другим. Так, во время оттепели индивидуальные ценности отчасти восстанавливаются в правах, актуализируется категория личного счастья, но в то же время сохраняется идея, что достижение счастья невозможно без борьбы [Fitzpatrick 2004; Graffy 2009]. С другой стороны, антропологические наблюдения позволяют сделать вывод, что сталинский канон счастья имел долгосрочные эффекты на протяжении всего советского и даже постсоветского времени [Байбурин, Пиир 2008]. Как пишет Катриона Келли, люди, воспитанные на коллективной утопии счастья, не отказались от нее даже после распада СССР [Kelly 2007: 591].

В этой статье я представляю базу эмпирического материала, с помощью которого можно проследить эволюцию категории счастья в советский и постсоветский периоды в одном из репрезентирующих медиа — в детской литературе. Для советской пропаганды дети были одновременно и приоритетной целевой аудиторией, и предметом изображения [Kelly 2009]. Поэтому естественно ожидать, что тенденции в использовании понятия счастья в широком корпусе детской литературы, не ограниченном несколькими каноническими авторами, будут достаточно чутко реагировать на изменения политической конъюнктуры. Ценность этого материала в том, что он позволяет верифицировать обобщения относительно трансформации культурного конструкта *счастье* в советский период.

Центральные вопросы, которые я ставлю в этом исследовании, касаются главных аспектов «трансформационного» сценария, сложившегося в исследовательской литературе при описании советского счастья.

- Прослеживается ли актуализация и трансформация нарратива о счастье в частотности и характере упоминания этого понятия в текстах детской литературы сталинского периода?

- Какие черты в употреблении понятия *счастье* (аспекты нарратива) остаются стабильными, а какие трансформируются в постсталинский период? Есть ли в детской литературе свидетельства «десталинизации» счастья?

- Можно ли проследить долгосрочные эффекты сталинской трансформации категории счастья, которые сохраняются вплоть до постсоветского времени?

Материалы и методы

Отправной точкой моей работы служат лексема *счастье* в русском языке и ее дериваты. Задача состоит в том, чтобы соотнести исторический нарратив о трансформации категории счастья в советскую эпоху с изменениями в узусе: по агрегированным данным о контекстах упоминания этих лексем в большом корпусе детской литературы. Важно подчеркнуть, что я не включаю в анализ узуса упоминания лексем, не однокоренных слову *счастье* (*радость, блаженство* и др.), даже если в словарях и других исследованиях они представлены

как синонимичные понятию счастья. Напротив, смысл исследования в том, чтобы, не постулируя элементов значения, выявить их через анализ контекстов употребления, в логике историко-семантических исследований, используя методы дистрибутивной семантики¹.

Источником текстов послужил Корпус русской литературы для детей и юношества XX–XXI вв. (Деткорпус) [Маслинский и др. 2021]. Использованная для исследования версия корпуса (V2) включает в общей сложности 2573 прозаических художественных произведения, адресованных детям, написанных на русском языке и впервые напечатанных с 1900 по 2019 год. Общий объем корпуса — 73,6 млн слов.

Из ряда однокоренных слов с корнем *счаст-* в анализ включены две наиболее частотные лексемы — *счастье* (11693 употребления, 120,3 раз на миллион) и *счастливый* (8749 употреблений, 90,0 на миллион). Остальные представители этого словообразовательного гнезда либо менее частотны в текстах Деткорпуса, что не дает достаточной статистики для анализа (*счастливо* — 1238 употреблений, 13,2 раз на миллион; *счастливчик* — 214 употреблений, 2,2 на миллион; *счастливец* — 188 употреблений, 1,9 на миллион; *осчастливливать* — 175 употреблений, 1,8 на миллион; и другие, более редкие), либо состоят в нетривиальном семантическом отношении с исходным понятием и представляют скорее другую категорию (*несчастье*, *несчастный* и т. п.).

Поскольку все тексты в корпусе датированы годом первого (книжного) издания произведения, группировка контекстов упоминания счастья по периодам позволяет проследить историческую динамику литературного узуса счастья. Для количественного анализа диахронических изменений необходимо разделить данные на достаточно крупные блоки, а для удобства контекстуализации необходимо сделать эти блоки соотносимыми с потенциальными этапами развития нарратива о счастье. В этих целях принята следующая периодизация материала: дореволюционный период (1900–1917)², предсталинский (1918–1934), сталинский период (1935–1953), постсталинский период (1954–1968), застой (1969–1984), перестройка (1985–1990), постсоветский период (1991–2008), современный период (2009–2019). Границы периодов условны и привязаны чаще всего к значимым точкам смены политической конъюнктуры, затрагивающим в том числе и литературу: Первый съезд советских писателей, начало оттепели, Пражская весна, начало перестройки и т. д. Некоторые границы периодов смещены на год (например, за начало сталинского периода принимается 1935 год, хотя съезд советских писателей прошел в 1934 г.), чтобы учесть инерцию издательского процесса: даже если предположить, что писатели начали сразу же создавать тексты в соответствии с новой заявленной эстетической программой, по меньшей мере год потребовался бы на их написание и публикацию.

¹ Например, статья [Hamilton et al. 2016] стала одной из ранних широко цитирующихся работ, которая привлекла большое исследовательское внимание к идее отслеживать изменения в лексической семантике и употреблении слов с помощью векторных семантических моделей.

² В Деткорпусе в настоящий момент совсем мало произведений дореволюционного периода, поэтому данные по этому периоду приводятся только в иллюстративных целях и не могут служить надежным основанием для количественных выводов.

В состав Деткорпуса входит достаточно много произведений формульных жанров, особенно велика их доля в постсоветский период (приключенческая повесть, любовная повесть, детектив, хоррор, фантастика и фэнтези). Поскольку доля различных жанров не сбалансирована в хронологическом отношении, при анализе диахронических изменений выборка была ограничена только произведениями реалистического жанра (нежанровой прозы). В качестве сравнительного материала привлекаются данные по частотности употребления лексем *счастье* и *счастливый* в нежанровой художественной прозе, входящей в Национальный корпус русского языка (НКРЯ; ruscorpora.ru)³. Общие данные о размерах подкорпусов по периодам приведены в табл. 1.

Таблица 1

Размеры корпусов по периодам: Деткорпус и НКРЯ

Sizes of period-based subcorpora: Detcorpus and RNC

период	Деткорпус			НКРЯ		
	текстов	авторов	млн слов	текстов	млн слов	
дореволюционный	1900–1917	20	12	0,2	954	7,5
предсталинский	1918–1934	266	107	2,3	828	10,5
сталинский	1935–1953	239	130	8,5	303	6,0
постсталинский	1954–1968	265	165	10,1	495	7,7
застой	1969–1984	243	152	8,2	532	7,9
перестройка	1985–1990	46	35	1,7	365	3,5
постсоветский	1991–2008	50	26	2,0	1052	16,7
современный	2009–2019	156	87	5,3	467	5,5

Нарратив о счастье репрезентируется в литературных текстах прежде всего с помощью персонажей: персонажи либо переживают счастье, либо говорят о нем. Однако простой лексический подход при подборе контекстов дает зашумленную картину. Помимо релевантных употреблений сюда попадают примеры со значением ‘удача’ (*к нашему счастью, счастливый случай*), а также разного рода этикетные формулы (*счастливого пути*), относить которые к процессам конструирования нарратива о счастье было бы натяжкой.

В лингвистических исследованиях русской категории *счастье* обычно выделяются два значения: ‘удачное стечение обстоятельств, везение’ и ‘высшее удовлетворение, земное блаженство’ [Зализняк 2012: 106]. Задачи данного исследования требуют несколько более дробного деления. Во-первых, этикетные формулы имеет смысл выделить в особую группу. Во-вторых, наиболее интересное для нас значение ‘высшее удовлетворение’, соотносимое собственн с зоной культурного конструирования категории счастья, хотелось бы рассмотреть подробнее.

В литературе о советском счастье большинство исследователей обсуждает его специфику, обращаясь к дихотомии индивидуального и коллективного счастья [Balina, Dobrenko 2009; Fitzpatrick 2004; Байбурун, Пиир 2008].

³ Данные НКРЯ приводятся по состоянию на 2 июня 2022 г.

Удобная на уровне сюжетов и больших нарративов, при анализе отдельных эпизодов эта дихотомия оказывается весьма проблематичной. Если в контексте описан персонаж, счастливый от исполнения трудовых обязательств, это следует классифицировать как пример индивидуального или общественного счастья? С точки зрения антропологии эмоций эту дихотомию можно расценить как ложную, поскольку связь переживания счастья с коллективными действиями и ценностями — норма во многих обществах [Robbins 2015]. Сталинскую специфику здесь можно усмотреть лишь в наборе актуальных общественных ценностей (самопожертвование в труде, на войне и т. п.). Более универсальная оппозиция, прослеживающаяся при анализе этнографического материала, связана с масштабом временной шкалы. Счастье может быть соотнесено с длительным периодом (*счастливая старость*) или с текущим моментом (*счастливый взгляд*). Это разделение во многом коррелирует с противопоставлением эвдемонического ('хорошая жизнь') и гедонистического ('интенсивная радость, довольство, эйфория') счастья, принятым еще в классической философии [Ibid.: 218–219]. При анализе литературного материала такая оппозиция полезна, чтобы оценить, как часто авторы изображают непосредственно счастливых персонажей или отсылают к более абстрактным образам счастья.

Чтобы отделить контексты, релевантные для анализа эволюции советского счастья, от нерелевантных, была построена модель для автоматической классификации контекстов употребления лексем *счастье* и *счастливый* на четыре группы: удача, речевой этикет, гедонистическое (моментальное) счастье и абстрактное (долгосрочное) счастье. Для краткости эти классы контекстов будут далее обозначаться 'удача', 'этикет', 'гедон.' и 'абстр.' соответственно. Из конкорданса употреблений *счастье/счастливый* в Деткорпусе (контекст — от одного до нескольких предложений) были случайным образом выбраны 1000 примеров, каждому примеру вручную присвоен один из четырех названных выше классов. Эти примеры послужили обучающими данными для классификатора, построенного на основе модели ruBERT [Kuratov, Arkhipov 2019], донастроенной (fine-tuned) для решения задачи классификации на материале этой 1000 размеченных вручную примеров. Полученный классификатор был протестирован на 200 дополнительных случайно выбранных примерах из Деткорпуса. Общая точность классификатора — 82,5% (доля примеров, верно отнесенных классификатором к указанному при ручной разметке классу). При этом классификатор лучше справляется с определением формульных употреблений ('удача' и 'этикет') — точность 92,5% и 93,8% соответственно. Гедонистическое и абстрактное счастье классификатор смешивает гораздо чаще. Следует, впрочем, отметить, что эти два класса контекстов — скорее семантические прототипы, не имеющие жестких границ. При ручной разметке нередко возникала неопределенность, какой именно класс — гедонистический или абстрактный — следует приписать данному контексту. Поскольку само разделение на смысловые классы не было жестким и однозначным, к полученной с помощью классификатора статистике по употреблению этих значений следует относиться как к фиксации общих тенденций, измеренных с определенной погрешностью. Примеры употреблений, отнесенных классификатором к каждому из четырех классов, приведены в табл. 2.

**Примеры распределения упоминаний счастья по классам контекстов
(результат автоматической классификации)**

**Examples of occurrences of happiness
in defined context classes (a result of automatic classification)**

удача	Может, этот крестик принесет нам счастье! (Коваль, 1984). К счастью, неподалеку торчала ветхозаветная будочка междугородного автомата (Крапивин, 2007).
этикет	Счастливого пути! — крикнул ей Крылов, снимая фуражку (Томан, 1953). От всей души желаю вам счастья, но не считаться с мнением вашей дочери вы не имете права (Матвеев, 1954).
абстр	Человеку немного нужно для счастья, — сказал Кульгар, подсаживаясь к столу (Жиляев, 1983). Счастливым поворот в моей жизни начался, пожалуй, как раз с этого утра (Поликарпова, 1979).
гедон.	Марина несла футляр со своей новой скрипкой, Алексей Степаныч молча шёл рядом, изредка поглядывая на её счастливое лицо (Эмден, 1952). Было так непривычно и прекрасно не притворяться счастливой, а чувствовать себя таковой (сестры Воробей, 2003).

Наконец, для оценки диахронических изменений в употреблении категории счастья по каждому из выделенных периодов были построены векторные семантические модели (word embeddings). Каждая модель строилась на корпусе всех реалистических произведений Деткорпуса за указанный период по методу, оптимизированному для небольших корпусов текстов [Jungmaier et al. 2020]. Такие модели в сжатой форме представляют информацию о совместной встречаемости слов в текстах (в пределах контекстного окна в ± 2 слова)⁴. Близость репрезентаций двух слов друг к другу в такой модели означает, что оба эти слова встречаются с похожим набором слов-соседей, иначе говоря, фигурируют в сходных контекстах [Allen et al. 2019]. Сравнительный анализ вычисленных таким образом семантических соседей интересующего нас понятия по нескольким моделям, отражающим его употребление в разных временных срезах, в последнее время активно привлекается для изучения исторических изменений в семантике и употреблении слов (см. обзор в [Kutuzov et al. 2018]). С использованием подобной методологии изучалась в том числе историческая динамика политических нарративов, отраженная в литературных текстах, например, динамика националистических идей в Нидерландах [Timmermans et al. 2022] или антисемитизма во

⁴ Перед построением моделей все тексты были лемматизированы с помощью Mystem с использованием встроенного в Mystem механизма автоматического снятия омонимии. Все словоупотребления лемм *счастье* и *счастливый* были помечены семантическим классом, присвоенным с помощью классификатора. В результате разные значения этих лексем фигурируют в моделях как разные единицы. Поскольку общий размер лексикона по периодам колеблется в пределах от 17 до 34 тыс. слов, в качестве размерности векторов для всех моделей было выбрано значение 100, в соответствии с эвристическим правилом, согласно которому размерность модели не должна превышать квадратный корень из величины лексикона.

Франции [Tripodi et al. 2019]. Насколько мне известно, на материале русской литературы таких работ еще не было, хотя векторные семантические модели (word embeddings) уже привлекались для анализа агрегированных различий в словоупотреблении в разных подкорпусах, в частности, в поэзии и прозе [Орехов 2016].

Данные и код, позволяющие воспроизвести результаты исследования, опубликованы в Репозитории открытых данных по русской литературе и фольклору [Маслинский 2022].

Гипотезы и результаты

Некоторые обобщения, сделанные в литературе о советской истории счастья, можно переформулировать в виде ожиданий (гипотез) относительно частотности упоминания понятия *счастье* и сочетаемости этого понятия с другими смысловыми категориями. Ниже я последовательно сформулирую ряд таких гипотез и проанализирую результаты их количественной оценки по данным корпуса детской литературы.

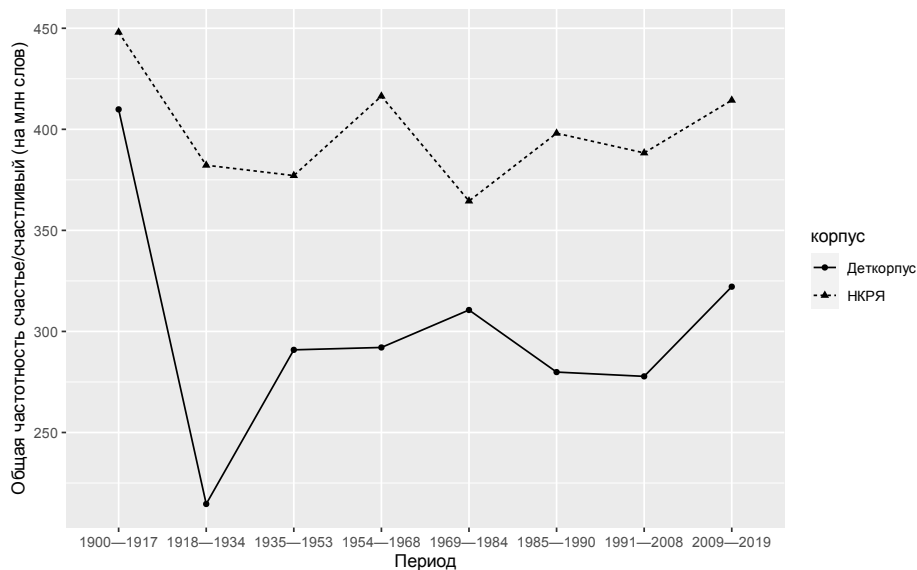
H1a. В советской детской литературе можно ожидать более высокую частотность упоминания счастья, чем во взрослой.

H1b. С началом сталинского периода частотность упоминания счастья в литературе (в том числе и в детской) заметно повысится.

H1c. В сталинский период повысится частотность контекстов, в которых счастье употребляется в гедонистическом и абстрактном значениях (не в значениях ‘удача’ и ‘этикет’).

Гипотеза **H1a** не подтверждается: общая частотность лексем *счастье* и *счастливый* в нежанровой прозе (по данным НКРЯ) колеблется вокруг отметки в 400 употреблений на миллион слов. В детской нежанровой прозе этот показатель отчетливо ниже — около 300 употреблений на миллион слов (ил. 1). Несмотря на то что дети — приоритетная аудитория сталинской пропаганды, для советских детских произведений нарратив о счастье, по всей видимости, был не настолько актуален.

Гипотеза **H1b** подтверждается лишь отчасти. Если ограничить рассмотрение переходом от 1920-х к сталинскому периоду соцреализма в детской литературе, то наблюдается довольно резкий скачок частотности упоминания лексем *счастье* и *счастливый* (от 215 до 291 раз/млн). Однако в более широком историческом контексте и в сравнении с литературой для взрослых это наблюдение совершенно меняет смысл. Во-первых, во взрослой литературе частотность этих лексем в этот же период существенно не изменилась, а по сравнению с дореволюционной литературой, и во взрослой, и в детской, счастье на протяжении всей советской эпохи стало упоминаться заметно реже. Более того, в сталинский период частотные показатели упоминания счастья даже не самые высокие: во взрослой литературе частотность упоминаний счастья достигает пика в период оттепели, а в детской — в период застоя. В этой перспективе аномалией выглядит не сталинский, а послереволюционный период, когда упоминания счастья в детской литературе сокращаются очень резко и оказываются на историческом минимуме.

Ил. 1. Общая частотность лексем счастье / счастливый в Деткорпусе и НКРЯ

Fig. 1. General frequency of lexemes 'happiness' / 'happy' in Detcorpus and in the Russian National Corpus

Ил. 2. Частотность групп значений счастье / счастливый в Деткорпусе

Fig. 2. Frequency of word sense groups for 'happiness' / 'happy' in Detcorpus

Схожая ситуация с гипотезой **H1c**: действительно, относительный рост частотности упоминаний счастья в сталинский период по сравнению с 1920-ми объясняется прежде всего распространением контекстов, в которых *счастье* фигурирует в абстрактном и гедонистическом значениях (собственно категория счастья). Однако этот рост можно назвать восстановительным — он следует за провалом частотности этих значений в 1920-е. Судя по частотности контекстов, отнесенных к классу гедонистических, в детской литературе сталинского периода эпизоды, изображающие счастливых персонажей, не стали более распространенными (и в дореволюционный период, и в современности таких контекстов больше). Однако совершенно определено в 1920-е число счастливые персонажи в детской литературе встречались реже. Значения ‘удача’ и ‘этикет’, во-первых, в целом менее частотны, а во-вторых, их средняя частотность более стабильна во времени. Несмотря на то что лингвисты отмечают сокращение сферы употребления категории *счастье* в значении ‘удача’ [Зализняк 2012: 107], частотность контекстов, отнесенных к этому классу в нежанровой детской прозе, на протяжении XX в. не снижалась, а в постсоветский период даже выросла.

Вторая группа гипотез характеризует ожидания относительно того, насколько тесно упоминания счастья были связаны с теми или иными смысловыми контекстами в детской литературе сталинского периода.

H2a. Можно ожидать, что в сталинский период счастье будет более тесно ассоциировано с категорией *будущее*, чем в предшествующий и последующие периоды.

H2b. В сталинский период счастье будет более тесно ассоциировано с категорией *тоска*.

H2c. В сталинский период счастье будет более тесно ассоциировано с понятиями, характеризующими большие человеческие общности (*человечество, народ, родина, страна*).

H2d. В сталинский период счастье будет более тесно ассоциировано с категорией *детство*.

Степень контекстной семантической связи понятий измерена с помощью описанных в предыдущем разделе векторных семантических моделей. Для измерения семантической близости учитывались только употребления лексем *счастье* и *счастливый* в абстрактном и гедонистическом классах значений (во всех дальнейших расчетах употребления в значениях ‘удача’ и ‘этикет’ исключены). Близость категории *счастье* измерялась как косинусное расстояние между усредненным вектором слов *счастье* и *счастливый* и вектором из одного или нескольких слов, описывающих контекстуальную категорию. Для того чтобы результаты измерения по разным периодам были сравнимы между собой, все значения были нормализованы и приведены к шкале измерения в стандартных отклонениях⁵. Можно считать нетривиальными результаты, в

⁵ Значения косинусного сходства в векторных моделях могут изменяться в пределах от 1 (полное сходство) до -1 (полное несходство). Сходство может быть рассчитано для любой пары слов или групп слов, имеющихся в модели. Сходство любого отдельно взятого слова ко всем остальным словам колеблется вокруг 0, и только для относительно небольшого количества контекстуально связанных слов (десятки — сотни) сходство существенно приближается к 1. Чтобы оценить, насколько сходство между счастьем и другой категорией отличается от

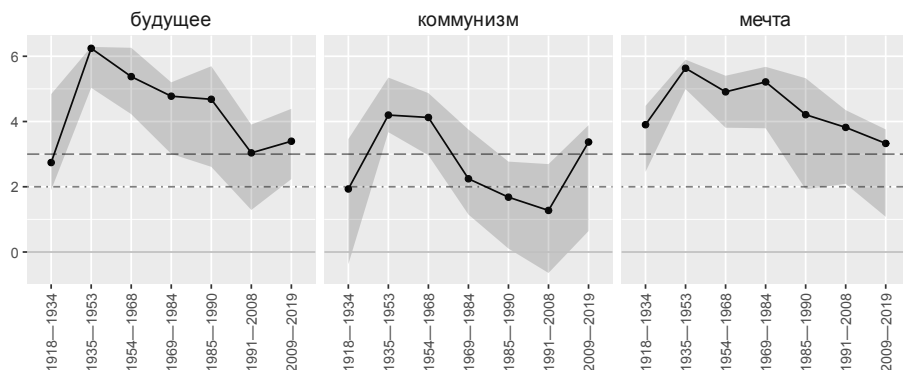
которых значение близости превышает 2, и достаточно надежным свидетельством в пользу тесной контекстуальной связи — значения больше 3.

Особенность векторных семантических моделей состоит в том, что изменение состава корпуса текстов, по которому построена модель, способно довольно сильно повлиять на конфигурацию расстояний между словами в модели [Antoniak, Mimno 2018; Wendlandt et al. 2018]. Поскольку Деткорпус, послуживший материалом для исследования, не является ни полным, ни специально сбалансированным, не исключено, что какие-то случайности при формировании корпуса могут повлиять на результат измерений и выводы. Чтобы оценить зависимость результатов измерения от состава корпуса, была использована процедура бутстрапа. По каждому периоду были сгенерированы 25 вариантов корпуса, в каждом из которых случайным образом удалены 20% произведений. Затем по всем этим вариантам выполнялись измерения близости так же, как и по основному корпусу. Ниже на графиках (ил. 3, 4, 5) разброс результатов этих измерений (от минимального до максимального) отражен с помощью заштрихованной зоны.

Гипотезы **H2a** и **H2b** — о связи сталинского счастья с будущим и тоской — мотивированы аргументацией в статье Шейлы Фитцпатрик [Fitzpatrick 2004]. Гипотеза **H2a** в целом подтверждается: по сравнению с 1920-ми в сталинский период наблюдается резкое повышение контекстной связи между счастьем (в абстрактном значении) и лексемой *будущее* (ил. 3). Аналогичный процесс наблюдается и для других категорий, связанных с проективностью в будущее: мечта (лексемы *мечта*, *мечтать*) и коммунизм. При рассмотрении более широкого исторического контекста следует оговорить, что тесная связь с *будущим* в принципе характерна для категории счастья по меньшей мере на протяжении всего советского периода, и в том числе в 1920-е годы. Тем не менее количественный скачок в степени этой связи в сталинский период все же просматривается. Высокий уровень связи с *будущим* сохраняется на протяжении всего советского периода и только затем начинает постепенно снижаться. *Коммунизм* оказывается безусловно тесно ассоциирован со *счастьем* только в сталинский и постсталинский периоды, впоследствии он выходит из круга близких ассоциированных со *счастьем* понятий, одновременно с этим сильно расширяются пределы неопределенности, связанной с составом корпуса. Это означает, что для некоторых произведений связь коммунизма и счастья может оставаться актуальной, но она уже не является характерной для всего корпуса за данный период. Например, неожиданный рост релевантности *коммунизма* в контексте *счастья* в современный период (2009–2019), объясняется, вероятно, присутствием в этой части корпуса единственного произведения — «Сталинский нос» Евгения Ельчина (2013), на которое приходится половина (19 из 39) всех употреблений слова *коммунизм* в Деткорпусе за последнее десятилетие.

сходства большинства случайных слов в модели, использована шкала измерения в стандартных отклонениях от среднего (z-score). В каждой модели рассчитывается среднее и стандартное отклонение распределения близостей вектора категории счастья ко всем имеющимся в модели словам той же части речи, что и слова, входящие в вектор категории, для которой рассчитывается сходство. Затем нормализованное значение сходства рассчитывается по формуле $(x - \bar{x})/\sigma$, где x — значение косинусного сходства данного слова и вектора категории счастья, $\bar{x}$ — среднее косинусное сходство вектора счастья и всех остальных слов в модели, σ — стандартное отклонение распределения значений сходства счастья и остальных слов в модели.

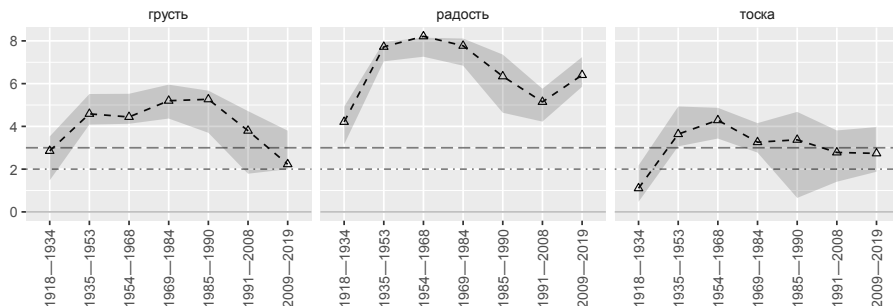
Ил. 3. Счастье и будущее, динамика семантического сходства по периодам

Fig. 3. 'Happiness' and 'future', changes in semantic similarity over the century

Подтверждается и гипотеза **H2b**: лексема *тоска* становится высоко релевантной для *счастья* (в гедонистическом классе значений, связанном с непосредственным переживанием эмоции) в сталинский и постсталинский периоды. При сравнении с другими, более частотными эмоциональными категориями *грусть* и *радость* сталинское сближение *счастья* и *тоски* вписывается в картину более общей семантической трансформации (ил. 4). *Грусть* становится релевантной для *счастья* начиная со сталинского периода и остается таковой до конца советской эпохи. Еще более выраженный скачок релевантности с началом сталинского периода показывает категория *радость*, что говорит, по всей видимости, об общей эмоционализации категории *счастья* в литературном изображении, сохраняющейся и в дальнейшем. Таким образом, вывод Фитцпатрик об актуализации тоски в сталинском дискурсе о счастье можно скорректировать: сталинская эпоха действительно привнесла в литературное изображение счастья эмоциональный спектр грусти, но с оговорками. Во-первых, *тоска* не является специфически значимой категорией в этом спектре, а лишь одной (и не самой характерной) из лексем. Во-вторых, сталинская эпоха не является кульминацией в отношении актуализации грусти, связь сохранялась на том же уровне до конца советского периода. И в-третьих, актуализация грусти, по-видимому, была частью общего процесса эмоционализации категории счастья.

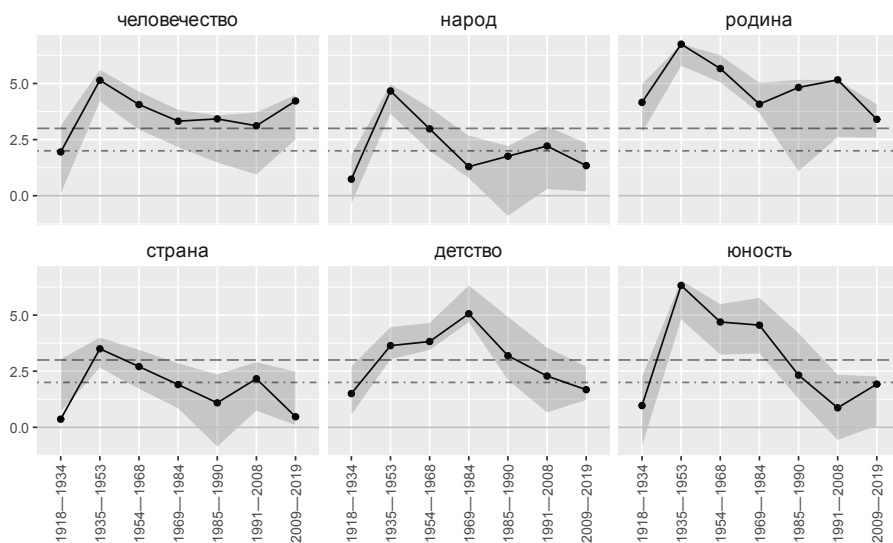
Гипотезы **H2c** и **H2d** отражают два существенных аспекта сталинского нарратива о счастье: акцент на коллективных ценностях и всеобщем счастье и формулу *счастливое детство*. Гипотеза об актуализации коллективного счастья в сталинскую эпоху (**H2c**) находит довольно убедительное подтверждение в данных. Семантическая близость абстрактных употреблений *счастья* к категориям *человечество* (лексем *человечество*, *всеобщий*), *родина* (а также *отчизна* и *отчество*), *народ* и *страна* демонстрирует более или менее ярко выраженный пик в сталинский период (ил. 5). Примечательно, что ассоциация счастья с человечеством и родиной остается высоко актуальной и в период оттепели и даже застоя, а затем уходит в зону недоверности. Напротив, ас-

социация счастья со словом *детство* (H2d) хоть и показывает некоторый рост по сравнению с 1920-ми, достигает пика не в сталинскую эпоху, а в период застоя. Гораздо более «сталинским» счастливым возрастом по данным детской литературы оказывается *юность*, очень резко набравшая релевантность в сталинский период и во многом сохранявшая ее до конца советской эпохи.

Ил. 4. Счастье и эмоции: тоска, радость, грусть: динамика семантического сходства по периодам

Fig. 4. Happiness and emotions: 'toska', 'joy', 'sorrow': changes in semantic similarity over the century

Ил. 5. Общее коллективное счастье и счастливые детство и юность

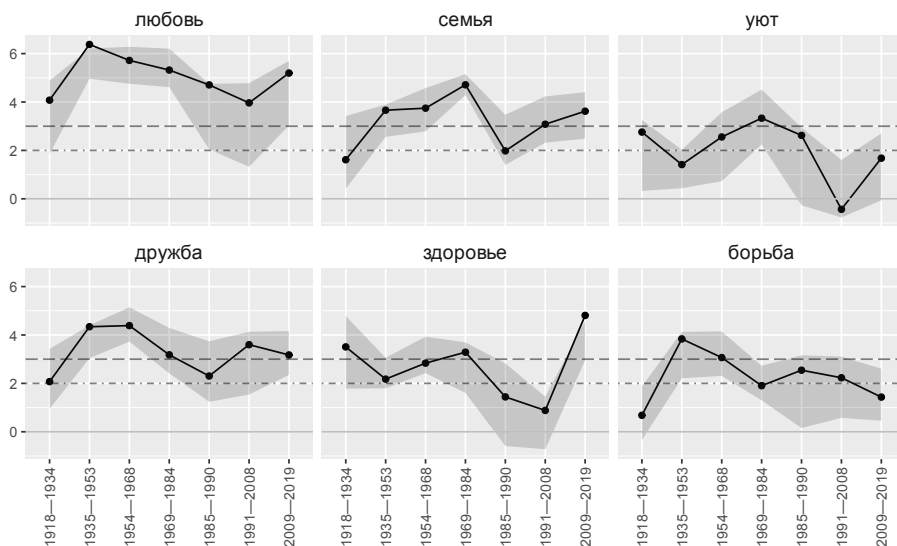
Fig. 5. Collective happiness and happy childhood and youth

Наконец, последняя группа гипотез отражает предположения о постсталинской трансформации дискурса о счастье.

Н3а. В постсталинский период возрастет степень связи категории *счастье* с индивидуальными контекстами (семья, личные отношения).

Н3б. *Борьба* будет релевантным семантическим контекстом для категории счастья в сталинский и постсталинский периоды.

Возвращение индивидуальных ценностей в семантическое поле счастья (**Н3а**) лучше всего можно отследить по близости употреблений *счастья* в абстрактном значении к категориям *семья* (лексемы *семья, семейный*) и *уют* (ил. 6): обе они достигают максимальной близости к *счастью* в период застоя. Это частично подтверждает ожидания, сформулированные в исследовательской литературе, — реставрация индивидуалистического понимания счастья действительно происходит после завершения сталинизма, но эффект ее становится заметным в детской литературе только в период застоя. Интересно, что впоследствии связь *счастья* с категориями *семья* и *уют* снова слабеет и начинает восстанавливаться только в современный период, что делает застой наиболее индивидуалистическим из всех рассматриваемых периодов. Категории *любовь* и *дружба* (лексемы *дружба, дружить, дружный*) не синхронизированы с описанной выше динамикой индивидуалистических ценностей и показывают скорее картину, сходную с коллективистскими ценностями, — скачок в сталинский период с последующим «хвостом» постепенного падения релевантности к концу советской эпохи. Любопытным артефактом стал позднесоветский и постсоветский провал в релевантности категории *здоровье* при обсуждении счастья. Эта находка была неожиданной и не следовала из обсуждаемой литературы.

Ил. 6. Постсталинские трансформации: счастье и индивидуальные ценности

Fig 6. Post-Stalin transformations: happiness and individualistic values

Гипотеза о том, что релевантность идеи борьбы за счастье (лексемы *борьба*, *бороться*) сохранится и в эпоху оттепели (**НЗб**), основанная на анализе оттепельного кинематографа Джулиана Граффи [Graffy 2009], находит подтверждение в данных. *Борьба* действительно становится релевантным контекстом для *счастья* в сталинский период (по сравнению с 1920-ми), а в период застоя ее релевантность снижается и, судя по расширению зоны неопределенности, остается характерной для отдельных произведений, а не для корпуса в целом.

Дискуссия

Резкая политизация категории счастья в сталинскую эпоху и сложившийся в связи с ней канон изображения счастья в литературе и кино хорошо описаны; относительно важнейших черт этого канона в исследовательской литературе сложился довольно устойчивый консенсус (см. обзор во вводном разделе статьи). Однако наряду с описанием собственно канона в литературе обсуждаются идеи и наблюдения относительно роли этого эпизода в политической истории эмоций в более широкой исторической перспективе. Два момента здесь привлекают внимание исследователей в наибольшей степени: впечатление резкого разрыва с предшествующей традицией, произведенного кампаниями по культурному конструированию сталинского канона, и ощущение значимости его долгосрочных и массовых последствий. Соображения этого плана, впрочем, зачастую оказываются сопутствующими тезисами, либо основанными на частных наблюдениях и экстраполяциях, либо переводящими анализ в рецептивную плоскость (повседневные практики, интервью) [Kelly 2009; Байбурин, Пиир 2008].

Результаты моего исследования позволяют расширить эмпирическую базу для обсуждения этих сопутствующих тезисов. Ограничивая материал детской литературой реалистического жанра, я описываю трансформации и последствия, связанные с появлением сталинского канона, в рамках одной непрерывной литературной традиции. Как мне представляется, для эмпирически обоснованного суждения об эволюционных процессах такого рода необходим переход от анализа отдельных произведений к рассмотрению тенденций в большом корпусе. Результаты исследования представляют обобщенные количественные оценки того, насколько сталинский канон изображения счастья изменил детскую литературу и как сильно и как долго он мог влиять на изображение счастья в более поздних произведениях. Методологическим основанием, на котором основаны эти оценки, стала категория узуса — представление об уместных контекстах упоминания счастья, реализованное в употреблении слов *счастье* и *счастливый* в детской литературе.

Оценка масштаба сталинской трансформации в изображении счастья была сделана в двух плоскостях: частотности и контекстуального сходства с другими семантическими категориями. Частотные гипотезы подтвердились лишь отчасти: счастье упоминается в детской литературе не чаще, как ожидалось, а реже, чем во взрослой; частотность упоминания лексем *счастье* и *счастливый* возрастает в сталинский период по сравнению с 1920-ми, но не является пиковой, а по сравнению с дореволюционной и современной литературой оказывается даже ниже.

Расхождение данных с ожиданиями может объясняться несостоятельностью подхода к формулировке количественных гипотез, который можно условно назвать «наивным фреквентизмом»: ожидание, что более политически релевантные категории будут чаще упоминаться в большом корпусе произведений для детей. Не исключено, что такие факторы, как возрастная адресация произведения и упоминание в более или менее значимые для сюжета моменты, затемняют простую количественную связь. Однако этот упрощенный частотный подход позволил обнаружить неожиданный результат, требующий объяснения, — резкий количественный провал упоминаний счастья в детской литературе 1920-х. Возможно, стоит говорить об «отмене» дореволюционной модели изображения счастья в литературе в 1920-е как о первом этапе развития советской модели счастья, предшествовавшем становлению собственно сталинского канона. В общем историческом нарративе о сталинском каноне счастья этот этап не получил достаточного внимания, хотя существуют отдельные работы, посвященные счастью в советской детской литературе 1920-х [Balina 2009].

Качественная трансформация категории счастья в сталинский период была оценена с помощью анализа агрегированных данных об упоминаниях счастья в корпусе (векторных семантических моделей). Подтвердился резкий рост релевантности больших коллективных общностей (человечество, народ, страна) в контексте упоминания счастья по сравнению с 1920-ми. Подтвердился рост релевантности категории будущего в сталинский период. Не показала такой же четкой динамики роста в контексте упоминаний счастья категория детства, в отличие от слова *юность*, оказавшегося тесно связанным со счастьем в сталинский период. Подтвердилась высказанная Шейлой Фитцпатрик идея об особой роли специфически русской эмоциональной категории *тоска* в сталинском каноне счастья. Однако сравнительный анализ с другими эмоциями позволил обнаружить свидетельства в пользу более общего процесса — параллельную актуализацию эмоций печали и радости, наблюдаемую в детской литературе начиная со сталинского периода. Это можно интерпретировать как свидетельство общей эмоционализации категории счастья в литературе. Расширение сферы употребления категории *счастье* в эмоциональном значении в XX в. было отмечено в лингвистических исследованиях [Зализняк 2012: 107], но, насколько мне известно, этот процесс не связывался напрямую со сталинским канонам. Поскольку динамика контекстуального сближения счастья с упоминанием грусти и радости хронологически совпадает с актуализацией других характерных для сталинского канона счастья понятий (*будущее, всеобщее счастье*), можно задаться вопросом: не была ли эмоционализация категории счастья частью процесса становления сталинского канона?

Постсталинскую трансформацию в изображении счастья в детской литературе удалось зафиксировать в изменении семантической близости счастья к категориям *семья* и *уют*. Актуализация этих категорий приходится на период застоя, что несколько расширяет хронологические рамки для рассмотрения процессов «десталинизации» нарратива о счастье. По-видимому, именно к периоду застоя *личное счастье* было не только допущено, но и заняло прочное место на страницах детской литературы. При этом период оттепели по всем измеренным показателям семантической близости счастья к другим категориям оказался гораздо ближе к сталинскому профилю, чем можно было бы ожидать.

Использование корпуса, репрезентирующего детскую реалистическую прозу всего советского и постсоветского периода, позволяет эмпирически оценить долгосрочные эффекты изменений, сопряженных с формированием сталинского канона счастья. Если семантические категории, ставшие релевантными контекстами для счастья в сталинскую эпоху, выстроить по тому, насколько долго они сохраняли свою релевантность впоследствии, получается такая градация.

- В значительной степени утратили релевантность сразу с окончанием сталинского периода — *народ, страна*.
- Сохраняли релевантность на протяжении расширенного периода оттепели (до 1968 г.), но не позже — *коммунизм, борьба, человечество*.
- Оставались высоко релевантными до начала перестройки — *любовь, дружба, юность, родина*.
- Сохранили релевантность до самого конца советской эпохи — *будущее, грусть*.
- Осталась актуальной вплоть до современности лишь одна из рассмотренных категорий, в наибольшей степени связанная с семантическим ядром категории *счастье*, — *радость*.

Подводя итоги, можно отметить: предложенные в данном исследовании методы количественной оценки позволяют засвидетельствовать, что в сталинский период действительно наблюдается трансформация контекстов упоминания счастья в детской литературе по сравнению с литературой 1920-х. Однако остается открытым вопрос, насколько литература 1920-х репрезентировала образцы «досоветского» счастья. Есть основания предполагать, что после-революционная трансформация в изображении счастья в литературе была не менее существенной. Результаты работы также согласуются с идеей, что сталинский канон счастья имел определенную инерцию и некоторые его аспекты сохраняли актуальность и продолжали определять литературный узус счастья в течение достаточно долгого времени.

Как кажется, важный результат этой работы — это не столько конкретные количественные оценки (сильно зависящие от особенностей корпуса и в целом приблизительные), сколько новые вопросы, которые можно поставить к сложившемуся историческому нарративу о «сталинском счастье». Данные о репрезентации счастья в детской литературе разных периодов в этом отношении особенно интересны как мостик к рецептивной истории «советского счастья». Возможно, сталинский канон счастья оказал большее влияние на тех, кто был воспитан на культурных текстах (и в том числе на детской литературе) сталинского и даже хрущевского периодов, но для людей, выросших на детских книгах эпохи застоя, этот канон мог быть уже совсем другим.

Литература

- Байбурин, Пиир 2008 — *Байбурин А., Пиир А.* Счастье по праздникам // Антропологический форум. № 8. 2008. С. 227–258.
- Добренко 2015 — *Добренко Е.* [Рец. на: Топография счастья: Этнографические карты модерна / Сост. Н. Ссорин-Чайков. М.: Нов. лит. обозрение, 2013] // Антропологический форум. № 25. 2015. С. 165–172.

- Зализняк 2012 — *Зализняк Анна А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира // Константы и переменные русской языковой картины мира: Язык. Семиотика. Культура / Под ред. Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелева. М.: Языки славян. культур, 2012. С. 99–116.
- Маслинский 2022 — *Маслинский К.* Код и данные для воспроизведения исследования: «Сто лет счастья в детской литературе (1920–2020): сталинский канон и его долгосрочные последствия» // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору. 2022. URL: <https://doi.org/10.31860/openlit-2022.8-R004>.
- Маслинский и др. 2021 — *Маслинский К., Лекаревич Е., Алейник Л.* Корпус русской прозы для детей и юношества // Репозиторий открытых данных по русской литературе и фольклору. V2. 2021. URL: <https://doi.org/10.31860/openlit-2021.4-C001>.
- Орехов 2016 — *Орехов Б. В.* Стихи и проза через призму дистрибутивной семантики // Острова любви БорФеда: Сб. к 90-летию Бориса Федоровича Егорова / Под ред. А. П. Дмитриева, П. С. Глушакова. СПб.: Росток, 2016. С. 652–655.
- Шмелев 2012 — *Шмелев А. Д.* Сквозные мотивы русской языковой картины мира // Константы и переменные русской языковой картины мира: Язык. Семиотика. Культура / Под ред. Анны А. Зализняк, И. Б. Левонтиной, А. Д. Шмелева. М.: Языки славян. культур, 2012. С. 286–298.
- Alexopoulos 2006 — *Alexopoulos G.* Soviet citizenship, more or less: Rights, emotions, and states of civic belonging // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. Vol. 7. No. 3. 2006. P. 487–528.
- Allen et al. 2019 — *Allen C., Balazevic I., Hospedales T.* What the Vec? Towards probabilistically grounded embeddings // *Advances in Neural Information Processing Systems*. Vol. 32. 2019. P. 1–11.
- Antoniak, Mimno 2018 — *Antoniak M., Mimno D.* Evaluating the stability of embedding-based word similarities // *Transactions of the Association for Computational Linguistics*. Vol. 6. 2018. P. 107–119.
- Balina 2009 — *Balina M.* “It’s grand to be an orphan!”: Crafting happy citizens in Soviet children’s literature of the 1920s // *Petrified utopia: Happiness Soviet style* / Ed. by M. Balina, E. Dobrenko. London: Anthem Press, 2009. P. 99–114.
- Balina, Dobrenko 2009 — *Balina M., Dobrenko E.* Introduction // *Petrified utopia: Happiness Soviet style* / Ed. by M. Balina, E. Dobrenko. London: Anthem Press, 2009. P. xv–xxiv.
- Dobrenko 2009 — *Dobrenko E.* Utopian naturalism: The epic poem of kolkhoz happiness // *Petrified utopia: Happiness Soviet style* / Ed. by M. Balina, E. Dobrenko. London: Anthem Press, 2009. P. 19–51.
- Fitzpatrick 2004 — *Fitzpatrick S.* Happiness and *Toska*: An essay in the history of emotions in pre-war Soviet Russia // *Australian Journal of Politics & History*. Vol. 50. No. 3. 2004. P. 357–371.
- Graffy 2009 — *Graffy J.* “But where is your happiness, Alevtina Ivanovna?”: New debates about happiness in the Soviet films of 1956 // *Petrified utopia: Happiness Soviet style* / Ed. by M. Balina, E. Dobrenko. London: Anthem Press, 2009. P. 217–238.
- Hamilton et al. 2016 — *Hamilton W. L., Leskovec J., Jurafsky D.* Diachronic word embeddings reveal statistical laws of semantic change // *Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics*. Vol. 1: Long papers. Berlin: Association for Computational Linguistics, 2016. P. 1489–1501.
- Jungmaier et al. 2020 — *Jungmaier J., Kassner N., Roth B.* Dirichlet-smoothed word embeddings for low-resource settings // *Proceedings of the Twelfth Language Resources and Evaluation Conference*. Marseille: European Language Resources Association, 2020. P. 3560–3565.
- Kelly 2007 — *Kelly C.* Children’s world: Growing up in Russia, 1890–1991. New Haven: Yale Univ. Press, 2007.

- Kelly 2009 — *Kelly C.* A joyful Soviet childhood: Licensed happiness for little ones // *Petrified utopia: Happiness Soviet style* / Ed. by M. Balina, E. Dobrenko. London: Anthem Press, 2009. P. 3–18.
- Kuratov, Arkhipov 2019 — *Kuratov Yu., Arkhipov M.* Adaptation of deep bidirectional multilingual transformers for Russian language // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегод. междунар. конф. «Диалог» (Москва, 29 мая — 1 июня 2019 г.)*. Вып. 18 / Ред. кол.: В. П. Селегей (гл. ред.) и др. [М.]: [б. и.], 2019. P. 333–339.
- Kutuzov et al. 2018 — *Kutuzov A. et al.* Diachronic word embeddings and semantic shifts: A survey // *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics*. Santa Fe, New Mexico: Association for Computational Linguistics, 2018. P. 1384–1397.
- Robbins 2015 — Robbins J. On happiness, values, and time: The long and the short of it // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*. Vol. 5. No. 3. 2015. P. 215–233.
- Timmermans et al. 2022 — *Timmermans M., Vanmassenhove E., Shterionov D.* “Vaderland”, “volk” and “natie”: Semantic change related to nationalism in Dutch literature between 1700 and 1880 captured with dynamic Bernoulli word embeddings // *Proceedings of the 3rd Workshop on Computational Approaches to Historical Language Change*. Dublin: Association for Computational Linguistics, 2022. P. 125–130.
- Tripodi et al. 2019 — *Tripodi R. et al.* Tracing antisemitic language through diachronic embedding projections: France 1789–1914 // *Proceedings of the 1st International Workshop on Computational Approaches to Historical Language Change*. Florence: Association for Computational Linguistics, 2019. P. 115–125.
- Wendlandt et al. 2018 — *Wendlandt L., Kummerfeld J. K., Mihalcea R.* Factors influencing the surprising instability of word embeddings // *Proceedings of the 2018 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: Human language technologies*. Vol. 1: Long papers. New Orleans: Association for Computational Linguistics, 2018. P. 2092–2102.

References

- Alexopoulos, G. (2006). Soviet citizenship, more or less: Rights, emotions, and states of civic belonging. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 7(3), 487–528.
- Allen, C., Balazevic, I., & Hospedales, T. (2019). What the Vec? Towards probabilistically grounded embeddings. *Advances in Neural Information Processing Systems*, 32, 1–11.
- Antoniak, M., & Mimno, D. (2018). Evaluating the stability of embedding-based word similarities. *Transactions of the Association for Computational Linguistics*, 6, 107–119.
- Baiburin, A., & Piir, A. (2008). Schast’ e po prazdnikam [Happiness on holidays]. *Antropologicheskii forum*, 8, 227–258. (In Russian).
- Balina, M. (2009). “It’s grand to be an orphan!”: Crafting happy citizens in Soviet children’s literature of the 1920s. In M. Balina, & E. Dobrenko (Eds.). *Petrified utopia: Happiness Soviet style* (pp. 99–114). Anthem Press.
- Balina, M., & Dobrenko, E. (2009). In M. Balina, & E. Dobrenko (Eds.). *Petrified utopia: Happiness Soviet style* (pp. xv–xxiv). Anthem Press.
- Dobrenko, E. (2009). Utopian naturalism: The epic poem of kolkhoz happiness. In M. Balina, & E. Dobrenko (Eds.). *Petrified utopia: Happiness Soviet style* (pp. 19–51). Anthem Press.
- Dobrenko, E. (2015). [Review of: Ssorin-Chaikov, N. (Ed.). *Topografiia schast’ia: Etnograficheskie karty moderna* [Topography of happiness: Ethnographic maps of the modern period]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. (In Russian)]. *Antropologicheskii forum*, 25, 165–172. (In Russian).
- Fitzpatrick, S. (2004). Happiness and *Toska*: An essay in the history of emotions in pre-war Soviet Russia. *Australian Journal of Politics & History*, 50(3), 357–371.

- Graffy, J. (2009). “But where is your happiness, Alevtina Ivanovna?”: New debates about happiness in the Soviet films of 1956. In M. Balina, & E. Dobrenko (Eds.). *Petrified utopia: Happiness Soviet style* (pp. 217–238). Anthem Press.
- Hamilton, W. L., Leskovec, J., & Jurafsky, D. (2016). Diachronic word embeddings reveal statistical laws of semantic change. In *Proceedings of the 54th Annual Meeting of the Association for Computational Linguistics* (Vol. 1, pp. 1489–1501). Association for Computational Linguistics.
- Jungmaier, J., Kassner, N., Roth, B. (2020). Dirichlet-smoothed word embeddings for low-resource settings. In *Proceedings of the Twelfth Language Resources and Evaluation Conference* (pp. 3560–3565). European Language Resources Association.
- Kelly, C. (2007). *Children’s world: Growing up in Russia, 1890–1991*. Yale Univ. Press.
- Kelly, C. (2009). A joyful Soviet childhood: Licensed happiness for little ones. In M. Balina, & E. Dobrenko (Eds.). *Petrified utopia: Happiness Soviet style* (pp. 3–18). Anthem Press.
- Kurатов, Yu., & Arkhipov, M. (2019). Adaptation of deep bidirectional multilingual transformers for Russian language. In V. P. Selegei et al. (Eds.). *Komp’iuternaia lingvistika i intellektual’nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii “Dialog” (Moskva, 29 maia — 1 iunია 2019 g.)* (Vol. 18, pp. 333–339) (n. e.).
- Kutuzov, A. et al. (2018). Diachronic word embeddings and semantic shifts: A survey. In *Proceedings of the 27th International Conference on Computational Linguistics* (pp. 1384–1397). Association for Computational Linguistics.
- Maslinsky, K. (2022). Kod i dannye dlia vosproizvedeniia issledovaniia: “Sto let schast’ia v detskoj literature (1920–2020): stalinskii kanon i ego dolgosrochnye posledstviia” [Replication data and code for: A century of happiness in children’s literature (1920–2020): Stalinist canon and its long term consequences]. *Repozitorii otkrytykh dannykh po russkoj literature i fol’kloru*. <https://doi.org/10.31860/openlit-2022.8-R004>. (In Russian).
- Maslinsky, K., Lekarevich, E., & Aleinik, L. (2021). Korpus russkoj prozy dlia detei i iunoshestva [Corpus of Russian prose for children and youth]. *Repozitorii otkrytykh dannykh po russkoj literature i fol’kloru. V2*. <https://doi.org/10.31860/openlit-2021.4-C001>. (In Russian).
- Orekhov, B. V. (2016). Stikhi i proza cherez prizmu distributivnoi semantiki [Poetry and prose through the lens of distributional semantics]. In A. P. Dmitriev, & P. S. Glushakov (Eds.). *Ostrova liubvi BorFed: Sbornik k 90-letiiu Borisa Fedorovicha Egorova* (pp. 652–655). Rostok. (In Russian).
- Robbins, J. (2015). On happiness, values, and time: The long and the short of it. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 5(3), 215–233.
- Shmelev, A. D. (2012). Skvoznye motivy russkoj iazykovoj kartiny mira [Leitmotifs of the Russian linguistic worldview]. In Anna A. Zalizniak, I. B. Levontina, & A. D. Shmelev (Eds.). *Konstanty i peremennye russkoj iazykovoj kartiny mira: Iazyk. Semiotika. Kul’tura* (pp. 286–298). Iazyki slavianskikh kul’tur. (In Russian).
- Timmermans, M., Vanmassenhove, E., & Shterionov, D. (2022) “Vaderland”, “volk” and “natie”: Semantic change related to nationalism in Dutch literature between 1700 and 1880 captured with dynamic Bernoulli word embeddings. In *Proceedings of the 3rd Workshop on Computational Approaches to Historical Language Change*. (pp. 125–130). Association for Computational Linguistics, 2022.
- Tripodi, R. et al. (2019). Tracing antisemitic language through diachronic embedding projections: France 1789–1914. In *Proceedings of the 1st International Workshop on Computational Approaches to Historical Language Change* (pp. 115–125). Association for Computational Linguistics.
- Wendlandt, L., Kummerfeld, J. K., & Mihalcea, R. (2018). Factors influencing the surprising instability of word embeddings. In *Proceedings of the 2018 Conference of the North American Chapter of the Association for Computational Linguistics: human language technologies* (Vol. 1, pp. 2092–2102). Association for Computational Linguistics.

Zalizniak, Anna A. (2012). Schast'ie i naslazhdenie v russkoi iazykovoi kartine mira [Happiness and delight in Russian linguistic worldview]. In Anna A. Zalizniak, I. B. Levontina, & A. D. Shmelev (Eds.). *Konstanty i peremennye russkoi iazykovoi kartiny mira: Iazyk. Semiotika. Kul'tura* (pp. 99–116). Iazyki slavianskikh kul'tur. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Information about the author

Кирилл Александрович Маслинский

*кандидат исторических наук
старший научный сотрудник,
Лаборатория цифровых исследований
русской литературы и фольклора,
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб.
Макарова, д. 4
Тел.: +7 (812) 328-19-01
✉ kmaslinsky@pushdom.ru*

Kirill A. Maslinsky

*Cand. Sci. (History)
Senior Research Fellow, Laboratory
for Digital Studies in Russian Literature
and Folklore, Institute of Russian Literature
(Pushkin House) of the Russian Academy
of Sciences
Russia, 199034, Saint Petersburg, Makarova
Emb., 4
Tel: +7 (812) 328-19-01
✉ kmaslinsky@pushdom.ru*